

| **ПОЭЗИЯ**

литературная премия

**номинация
ПОЭТИЧЕСКИЙ
перевод**

ЙЕГУДА АМИХАЙ

(перевод Александра Бараша)

Маленькая Рут

Иногда я вспоминаю тебя, маленькая Рут,
тебя, с кем расстались в далеком детстве,
кого сожгли в лагерях.

Если бы ты была жива сейчас, тебе было бы 65 лет,
женщина на пороге старости. Тебя сожгли, когда тебе было 20,
и я не знаю, что происходило с тобой в твоей короткой жизни
с тех пор, как мы расстались. Чего ты достигла, какими
знаками отличия тебя наградили — на плечи, на рукава,
на твою отважную душу, какие блестящие звезды
на тебя наклеили, какие знаки за отвагу, какие
медали за любовь повесили тебе на шею,
какой мир и покой, покойся с миром.

А что произошло с теми твоими годами жизни,
которые не были использованы?

Упакованы ли они до сих пор в красивые посылки,
добавились ли к моей жизни? Превратила ли ты меня
в свой банк любви, как швейцарские банки.

Где клад, который остался в них после смерти владельцев?
Может быть, я передам все это по наследству своим детям,
которых ты никогда не видела?

Ты дала мне свою жизнь, словно продавец вина,
сам остающийся трезвым,
трезвость смерти, как ты,
трезвость ада для пьяного жизнью, как я,
барахтающийся в провалах своей памяти.
Иногда я вспоминаю тебя в такие моменты,
когда не думал, что вспомню, и в местах,
предназначенных не для воспоминаний, а для того,
что мелькает, проходит и не остается;
как в аэропорту, когда прибывшие пассажиры
стоят, усталые, у движущейся и крутящейся ленты,
она приносит их чемоданы и упаковки,

и они узнают свое с радостными криками,
словно при воскресении из мертвых, и выходят в свою жизнь.
И есть один чемодан, который возвращается
и опять исчезает, и опять возвращается,
медленно, в пустеющем зале,
и опять проезжает мимо,
так скользит передо мной твое лицо,
так я тебя помню, до тех пор,
пока лента не остановится. И
успокойтесь. Амен.

Примечание. «Маленькая Рут» — Рут Гановер (1923 — 1943), подруга детства Йегуды Амихая, погибла в лагере смерти Собибор. Амихай говорил, что она его «личная Анна Франк».

Перевёл с иврита
Александр Бараш

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/alexander.barash/posts/10156311846399173>

ОЛИВЕР БЕНДОРФ

(перевод Дмитрия Кузьмина)

Разломать это всё на куски, чтобы их пересчитывать

Стоит иметь в виду, что идентификация всегда неоднозначна.

Джудит Батлер, «Гендер в огне»

Назови меня вёрткой рыбкой, улётом, пригоршней света, галантерейной мелочью, разносчиком молока, серебряным выдохом, своей сучкой, своим маленьким братиком, бархатным тинном, крабовой хижинкой, орегонской сосной, васильком-сорняком. Назови меня полетунчиком — то ли птичкой, то ли лёгким самолётом, розовым шипом, заряжённым стволом, горсткой ореховой скорлупы. Взбитым белком и наждачкой, венцом Гавриила, вручную скрученным морем, булыжником, мерзавчиком, своим испанским краснокирпичным царством. Назови меня ужасом и Орионом, паникой и Пиноккио. Солонцом для зверей, падучей звездой, ураганом, персиком в августе. Назови меня бунтарём и монашком, вкусовым трипом, Тарзаном и рядовым, кнутом и точкой отсчёта. Назови меня Эйфелевой башней, аррондисманом, гарсоном, назови меня сигаретой, брошенной возле натёкшей лужицы бензиновой. Набери меня и назови, и скажи, что Париж наконец в огне, что гарлемским королевам наконец перепали их операции и стиральные машины. Назови меня целым, назови меня сэром. Назови меня завтрашним неотвратимым рассветом.

Перевёл с английского

Дмитрий Кузьмин

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-36/bendorf>

СЕСАР ВАЛЬЕХО

(перевод Андрея Щетникова)

Шляпа, пальто, перчатки

Кафе Режанс находится напротив Комеди
Франсез; там в уголке есть место
уютное, со столиком и креслом.
Вхожу, а там стоит повсюду тонкий сизый дым.

Сижу, курю Житан, за столиком двухместным
перед собой я вижу впереди
другие два дымка, грудную клетку
кафе, и ржавую печаль в пустой груди.

И пусть растут во мне осенние картины,
сезоны, облака, виски, морщины,
пусть осень снова прорастает в осень —

безумный постулат мне не внушает страха.
Как просто всё и как молниеносно,
как жарок снег, как быстро мчится черепаха!

Перевёл с испанского
Андрей Щетников

Ссылка на текст: https://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=1751726828229403&id=100001763081522

ДАСЕ

(перевод Юлии Дрейзис)

люди на поле

несколько человек на поле издалека
они кажутся не толще мизинца что делают непонятно
необъятное поле пшеницы тёмно-зелёным пластом тянется в зиму
несколько человек трое чёрными на зелёном
ползут между полос

у поля нет деревни
и люди кажутся одинокими оторванными от других людей
северный ветер проходит между ними раздаётся звук
северный ветер невидимый глазу
проходит сквозь небо и воздух дрожит

люди неумолимые люди
не пропадают не уходят всё время там вдалеке
это событие на этом пустом
зимнем поле пшеницы их присутствие сердце в тревоге

Перевела с китайского
Юлия Дрейзис

Источник: Дасе // Светильник (Издательство литературы на иностранных языках). — 2018.

ИЛЬЯ КАМИНСКИЙ

(перевод Вальжины Морт)

Наталья

Её плечо: рифма вечеру, наговор.

Я куплю для неё лошадь, мы побываем в Мексике. Представь наши бесчинные дни в Одессе: мы откроем магазинчик сладостей — кроме её любовников и моих соседей (которые пригоршнями тащат шоколад), у нас нет покупателей.

Танцую в пустующем магазине, между полками грецких орехов, гвоздик, между коробок мяты, мы шепчем друг другу наши правды. Воображение, наша семейная шалость.

Под её коленкой: райский уголок, где я прячу желания.

Я открываю «Tristia»,
а она скользит между гаражей.
«Ты сбежишь, — говорит она, — я вижу:
вокзальная станция, скользкий пол, номер полки».

Я прошу: оставь меня в детстве,
где мальчишки переходят улицу с флажками в руках.
Кричат: оставь нас одних,
будто им дана над ней власть, хотя нет, не дана.

Она нападает, поднимает руку
и запускает в мои волосы. Справа я прячу шрам,
она проводит по нему языком
и засыпает с моим соском во рту.

Но рядом Наталья переворачивает страницы:
что было и не было,
пусть станет в очередь.
Наталья, летописец мой, чашка воздуха,
в которую ты макаешь мизинец — насуху его оближи.

*

— Я снял с неё чулки, заволновался,
что я перестал волноваться.

Она спала в моей кровати — я спал в кресле,
она спала в кресле — я спал на кухне,

она забывала свои тапочки в моей ванной, в моей Торе,
её тапочки в каждой строчке моей песни.
Те, кого я люблю, — умирают, стареют, рождаются.

А я люблю упрямство её пододеяльника!
Я кусаю его, на вкус —
механизм подушек и покрывал.

Взрослая женщина, она танцевала
без блузки, прикрывая, что могла.
Мы лежали вместе на Йом-Киппур, избранные не тем Богом,

люди книги, сломанные книгой.

*

«Поцеловать бы тебя внутри локтя —
Наталья, сестра осторожных»,
— он бормотал о благодарности, его пальцы

дрожали, пока он бормотал.
Она расстегнула две пуговицы его брюк —
чтобы выучить два языка:

один для щиколоток и один для памяти.
А может, она считала плохой приметой
принимать одетого мужчину в доме.

Карандашом для бровей она нарисовала
усы: сразу захотела
дотронуться до него, но не дотронулась.

Она распахнула свой халат и
запахнула, распахнула и запахнула —
она: иди сюда, трусишка —

он посеменил за ней на цыпочках.

*

Вот они, восемь лет. Осторожно, я вскрываю эту цифру:
вот мы с тремя котами в пяти городах,

учимся тому, как человек, невидимый, стареет.
Восемь лет! Восемь! — мы охлаждали лимонную водку и целовались
на полу, среди корочек.

И каждую ночь мы видели нас:
мужчина и женщина на коленях шепчут: Боже,
что за слово, душа разрушает его, чтобы понять.

Какая жизнь! на рынке дождь
моими пальцами, она стучала свои ямбы
на нашей самой глубокой кастрюле,

и мы подпевали: Сладкие доллары,
почему вы, красавцы, не в наших карманах?

**Перевела с английского
Вальжина Морт**

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-37/kaminsky>

ДЖОН КИТС

(перевод Григория Кружкова)

Ода греческой вазе

I

О строгая весталка тишины,
 Питомица медлительных времен,
Молчунья, на которой старины
 Красноречивый след запечатлен!
О чем по кругу ты ведешь рассказ?
 То смертных силуэты иль богов?
 Темпейский дол или Аркадский луг?
Откуда этот яростный экстаз?
 Что за погоня, девственный испуг?
 Флейт и тимпанов отдаленный зов?

II

Напевы, слуху внятные, нежны —
 Но те, неслышные, еще нежней;
Так не смолкайте, флейты! вы вольны
 Владеть душой послушливой моей.
И песню — ни прервать, ни приглушить;
 Под сводом охраняющей листвы
 Ты, юность, будешь вечно молода;
 Любовник смелый! никогда, увя,
Желания тебе не утолить,
 До губ не дотянуться никогда!

III

О вечно свежих листьев переплет,
 Весны непреходящей торжество!
Счастливый музыкант не устает,
 Не старятся мелодии его.
Триkrát, триkrát счастливая любовь!

Не задохнуться ей и не упасть,
Едва оттрепетавшей на лету!
Низка пред ней живая наша страсть,
Что оставляет воспаленной кровь,
Жар в голове и в сердце пустоту.

IV

Кто этот жрец, чей величавый вид
Внушает всем благоговейный страх?
К какому алтарю толпа спешит,
Ведя телицу в лентах и цветах?
Зачем с утра свой мирный городок
Покинул сей благочестивый люд —
Уже не сможет камень рассказать.
Пустынных улиц там покой глубок,
Века прошли, века еще пройдут,
Но ни души не воротится вспять.

V

Высокий мир! Высокая печаль!
Навек смиренный мрамором порыв!
Холодная, как вечность, пастораль!
Когда и мы, дар жизни расточив,
Уйдем — и вслед несбывшимся мечтам
Придет опять надежда и мечта,
Тогда, не помня о минувшем зле,
Скажи иным векам и племенам:
«В прекрасном — правда, в правде — красота,
Вот всё, что знать вам нужно на земле».

Перевёл с английского
Григорий Кружков

Источник: *Китс Дж.* Гиперион. Сонеты. — СПб.: Азбука-Аттикус, 2018.

НОРМАН МАККЕЙГ

(перевод Анастасии Строкиной)

Эдинбург. Апрельский день в ноябре

Солнце задорно
бьет кулаками по тучам,
задиристый ветер
обрушивается на дома,

уносит печальную память подальше —
за осеннее море. С легкостью жизнь
прокладывает дорогу
в дремучих дебрях
меж нами и будущим.

Улетают из памяти
последние листья и устилают землю,
а для последних роз
клумбы становятся колумбарием.

Но кто-то завел карусель веселья
в пасмурных парках.
Разряды радости летят от предместья к
предместью.
Апрель-самозванец
танцует на темных улицах ноября,
беспечный дудочник, ведет за собой
цветные сны о лете.

Перевела с английского
Анастасия Строкина

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/inostran/2018/10/shotlandii-czvetok-blagouhannyj-shotlandskaya-poeziya-skvoz-veka.html>

ШИНЕЙД МОРРИССИ

(перевод Дениса Безносова)

Собор

Мир представлялся винтовой лестницей,
правила подъема по которой давно
установлены, потому мне хотелось слов,
которые казались тебе простыми и очевидными:
яблоко, палец, ложка. Летучая мышь,
вскочившая, как волдырь, в твоей правдивой
детской книжке или снедаемый любовью сверчок
с его прозрачным инструментом —
все это без сомнения лучше было утаить:
пока я не объясню значений, пока не построю
тебе зоопарк с невероятными персонажами
и должным образом тебя им не представлю.
Но ты слишком спешил —
какая-то бесконечная паника —
каждый день — сплошь не прекращающийся
импульс — и присутствие языка
в каком угодно шатком порядке
обязательно чувствовалось —
передвижение луны, механизм
часов, пожарный выход —
обрушивались прямо вглубь тебя, подобно
сну Кэтрин Линтон о вине сквозь воду —
сну о пустошах и изгнании
из рая. Я не могу повесить занавеску
и отгородиться от этого. Не могу
отделиться. Слова проникают внутрь
по акведуку уха с каждой
внимательной секундой, просачиваются
в самую суть равновесия,
принося с собой негатив изображения,
дабы впитаться в мозг и сохраниться.
Бах! обман! и уже ты, двухлетний, говоришь,
как тот ужасный человек
в пальто, с клюкой,

которого ты видел утром,
и все, что мы присвоили, ты знал,
пустило трещину по оси; теперь же:
*в шесть утра призрак
ребенка может прийти есть кашу.*
Мы теряем дар речи.

Перевёл с английского
Денис Безносков

Ссылка на текст: <https://prosodia.sfedu.ru/?p=2854>

ГЕРТА МЮЛЛЕР

(перевод Бориса Шапиро)

* * *

Он кто взглядом ложки гнёт говорит что
разодетый в белом снег лежит так голо
применением прожилок будто очень тонких
улиц на изгибе лёгком донца этих чашечек
для кофе и коробки патефонной штыковой
лопаты сердца — ты и сам прекрасно знаешь
что любые материалы станут рано или
поздно содержанием подушки тоже белой
я ж была легко одета не для длинных
путешествий молодой нахальный ветер или
старый желчный голод расшатали мне
шапчонку а потом пришёл король сыпать
сахарною пудрой он кричал молчал и плакал
а потом явился новый
царь и выдрожал победу.

Перевёл с немецкого
Борис Шапиро

Источник: Мюллер Г. Бледные господа с чашечкой кофе в руках. — Ozolnieki: Literature Without Borders, 2018.

ТОМАШ ПЕЖХАЛА

(перевод Серго Муштатова)

(от солнца) кожа становится зелёной

в миске корм для подросшего за лето лётчика
белые пачки долгие зависания после прыжка
сбиты пальцы *(русский балет*
музыкальная перхоть из телевизора на полу
в день смерти очередного правителя)

добровольные косточки — портрет молодожёнов
ничего что их больше чем двое в лесу
много деревьев демо-версия путешественника
во времени борода очки трубка
ничего лишнего только проточная вода

кастраты и варяги поневоле *(наконечники*
копий мечи топоры кузнечный огонь
создаёт кольцо нападение и грабёж
деньги на следующий поход замкнутый круг)
кристаллические решётки станции

где поезд не останавливается оттепель
сериал пафос и деймос у каждого свой вольер
своя профессия в этом вязком стоп-кадре
полуостров полуастероид у меня правило:
нельзя стрелять *(ради любви)* одним пальцем

поддержат нас вязы *(им тоже холодно)*
нас спорных переносных стеклянных одноразовых
как территории как стаканчики на вокзале
(гвозди от голосового костра не успеют
ржаветь заземлением неба) питаем пламя

Перевёл с польского
Серго Муштатов

Ссылка на текст: <http://www.litkarta.ru/projects/vozdukh/issues/2018-36/pierzchala>

АФИНА ФАРРУКЗАД

(перевод Надежды Воиновой)

Из книги «Болезнь белизны» (2013)

Моя семья приехала сюда из марксистских убеждений

Моя мать тут же завалила весь дом рождественскими гномами

и взвесила все достоинства и недостатки пластиковой елки

как будто ей было не чем больше заняться

Днем она пыталась разобраться с долготой гласных

Словно звуки вылетающие изо рта

могли смыть оливковое масло с ее кожи

Моя мать прополоскала свой синтаксис в отбеливателе

И по ту сторону пунктуации ее орфография стала белее

зимы в Норрланде

Моя мать строила нам будущее из количества жизни

В подвале дома на окраине она выставила в ряд батарею консервных банок

словно готовясь к войне

По вечерам она чистила картошку и искала новые рецепты

Будто ее собственная история была зашифрована

в «искушении Янсона»¹

¹ *Искушение Янсона* — запеканка из картофеля, анчоусов, репчатого лука и сливок — традиционное рождественское шведское блюдо.

Подумать только я сосала эту грудь

Подумать только все свое варварство она вложила мне в рот

Моя мать сказала: Ты с самого начала была нежизнеспособной

Моя мать вынула сон из руки отца и сказала

Съев весь сахар слаще увы не станешь

Обойди вокруг дома перед тем как вколоть инсулин

Моя мать сказала брату: Остерегайся чужих

Помни тебе некуда будет вернуться

если они станут врагами

Мой брат сказал: Мне снился удивительный сон

Рассвет утонул у меня в глазах до того как развеялись грезы

Человечество состоит из сахара и резни

Когда я покинул мир я все уже знал

Мой отец сказал: Твой брат стал бриться еще до появления бороды

Твой брат видел в зеркале лицо террориста

и хотел получить к Рождеству щипцы для выпрямления волос

Мой брат сказал: Я хочу умереть в стране

где люди могут правильно произнести мое имя

Мой отец сказал: Ложку за палачей

ложку за освободителей

ложку за голодных

И ложку за меня

Моя мать протянула стакан своей матери и сказала: Теперь мы квиты.

Возьми молоко обратно

Моя бабушка сказала: Твоя мать происходит от восходящего солнца

Она родилась весной ей дали имя в честь бутона цветка

Твоя мать назвала тебя в честь воительницы, чтобы вооружить тебя против зимы.

Мой брат сказал: Черное млечево утра мы пьем тебя ночью²

Моя мать сказала: Все свое заберу с собой

Ты встретишь смерть лишившись языка

Пришла немая и немой уйдешь

Мой отец сказал: Прости доносчика и узнаешь что хочет сказать насилие

Мой отец сказал: Одних казнили на заре до того как развеялся сон

Моя мать сказала: Другие платили за пули чтобы им разрешили

похоронить дочерей

² Цитата из «Фуги смерти» Пауля Целана (в переводе А. Прокопьева)

Моя мать сказала: В какую ночь победителя нас забросила эта победа

Мой брат сказал: Не хорони меня здесь

Хочу лежать там где кнуты виртуальны

Мой отец сказал: Насилие это язык от него твердеет рука

Мой отец сказал: Когда от каждого по способностям и каждому по потребностям

Моя мама сказала: Когда от каждого по способностям и каждому по потребностям

Мой брат сказал: Когда замкнется круг истории и всем неправдам придет конец

Моя бабушка сказала: Доживешь до моих лет

истории и всем неправдам придет конец сам по себе

Мой дядя сказал: Не забудь как ребенком ходила по этим улицам

Не забудь революция ценит только

приговор дочерей между строчек стихов

Перевела с шведского
Надежда Воинова

Ссылка на текст: <https://syg.ma/@galina-1/afina-farrukzad-iz-knighi-boliezni-bielizny>

ПАУЛЬ ЦЕЛАН

(перевод Алёши Прокопьева)

Ассизи

Умбрии ночь.
Умбрии ночь: колокола и листья олив серебрятся.
Умбрии ночь: камень принёс ты сюда.
Умбрии ночь: камень вокруг.

В жизнь перешедшее молча взирает с вершин.
Переливай из кувшина в кувшин.

Скудельный сосуд.
Скудельный сосуд, в него ж нераздельно вросла рука гончара.
Скудельный сосуд, его ж рука тени запечатала навсегда.
Скудельный сосуд, запечатанный тенью.

И куда ты ни глянь, камни лишь серебрятся.
Впусти сюда серого братца.

И ослик плетётся.
И ослик плетётся в снегу, что нагая, каких больше нет, рассыпает рука.
И ослик плетётся за словом, запечатанным навсегда.
И ослик плетётся и сон свой с руки он губами берёт.

Блеск. Безутешен и блеск.
Всё ещё просят умершие, брат Франциск.

Перевёл с немецкого
Алёша Прокопьев

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/kurt.winterhaus/posts/10217231736412346>

УИЛЬЯМ ШЕКСПИР

(перевод Аркадия Штыпеля)

135

К чему вилять, перед тобой твой Вилл,
И Вилл другой, и третий Вилл вдогон,
Хватило б, чтоб один я Виллом был,
Был пылом посреди твоих пламен.
Твой пыл велик, так отчего ж не влить
Мой пыл в твое пыланье? Почему
Ты привечаешь прочих, но остыть
Повелеваешь Виллу одному?
Вот океан — глубокий и полон сил —
Все ливни он приемлет в толщу вод;
Так пусть еще один вольется Вилл,
Всем пылом к бездне прянет и прильнет.
Пусть каждый Вилл тебе пребудет мил,
Но я один твоим всем Виллам Вилл.

(135-й сонет У. Шекспира)

Перевёл с английского
Аркадий Штыпель

Ссылка на текст: <http://novymirjournal.ru/index.php/blogs/tags/tag/shekspir>

Т. С. ЭЛИОТ

(перевод Ольги Седаковой)

Animula

«Из руки Божией выходит простая душа»
В плоский мир переменного света и шума,
В светлое, темное, сухое или влажное, прохладное или теплое,
Двигаясь между ножками столов и стульев,
Поднимаясь и падая, жадная до поцелуев и игрушек,
Смело идет вперед, но вдруг, как по тревоге,
Отступает в угол руки и колена,
Требует, чтоб ее утешали, радуется
Душистому великолепию рождественской елки,
Радуется ветру, солнцу и морю;
Изучает солнечные узоры на паркете
И оленей, бегущих по краю серебряного подноса;
Путает явь и выдумку,
Довольна игральными картами, королями и дамами,
И что феи делают и что слуги говорят.
Тяжелое бремя растущей души
Озадачивает и обижает, и больше день за днем;
Неделю за неделей всё больше обижает и озадачивает
Со всеми своими императивами: «быть и казаться»,
Со всеми можно и нельзя, желанием и контролем.
Боль жизни и анальгетики воображенья
Загоняют маленькую душу в кресло, к окну
За полки с Британской Энциклопедией.

Из руки времени выходит простая душа,
Нерешительная, замкнутая, искалеченная, хромая,
Неспособная ни двигаться вперед, ни отступить,
Боящая теплой реальности и непредвиденной доброты,
Отрицающая внушения крови,
Тень собственных теней, призрак в собственном мраке,
Оставляет неразобранные бумаги в пыльной комнате;
Но прежде еще молчит, приняв последнее причастье.

Молись о Гутерьес, пьяневшей от скорости и силы,
О Будене, разорванном бомбой в клочья,
О том имяреке, который сколотил себе состоянье,
И о другом, который шел себе своей дорогой,
Молись о Флорете, которого овчарка загрызла у тиса,
Молись о нас ныне и в час нашего рожденья.

Перевела с английского
Ольга Седакова

Ссылка на текст: <https://www.facebook.com/osedakova/posts/2270265343006337>

ДЖОН ЭШБЕРИ

(Перевод Яна Пробштейна)

И *UtPicturaPoesis* — её имя

Больше нельзя так говорить.
Растревоженный красотой, ты должен
Выйти на свет, в просвет, в прогал
И отдохнуть. Разумеется, что ни случилось бы смешного с тобой,
Нормально. Требовать большего было бы странно
С твоей стороны, с твоей, у кого так много возлюбленных,
Людей, берущих с тебя пример и готовых
Сделать для тебя всё, но ты полагаешь,
Что это нехорошо, что если бы они знали, какой ты на самом деле...
Достаточно самоанализа. Теперь
О том, чем заполнить твоё стихополотно:
Цветы — всегда хорошо, особенно шпорник,
Имена ребят, с которыми когда-то был знаком, их санки,
Ракеты тоже хороши — они ещё существуют?
Есть много других вещей такого же свойства,
Как те, о которых я написал. Теперь нужно
Найти несколько важных слов и много заземлённых,
Звучащих обыденно. Она попросила меня
Помочь ей купить письменный стол. Улица вдруг
Обезумела, полная брэнчанья японских инструментов.
Будничные свидетельства были разбросаны вокруг. Его голова
Сомкнулась с моей. Мы стали двуручной пилой. Что-то
Следует написать о том, как это воздействует
На тебя, когда пишешь стихи:
Крайняя скудость почти опустошённого ума
Сталкивается с пышной Руссо-подобной листвой в желании передать
Нечто между вдохом и выдохом, хотя бы только для
Других в их стремлении понять тебя и оставить
Ради других центров общения, так, чтобы понимание
Могло бы начаться и тем самым прекратилось.

Перевёл с английского
Ян Пробштейн

Ссылка на текст: <https://magazines.gorky.media/prosodia/2018/9/dzhon-eshberi-v-perevodah-yana-probshtejna.html>